

— Які проекти можуть спільно здійснювати Росія, Україна та ЄС (можливо, в кооперації з іншими країнами, або у двосторонньому форматі) у сфері ядерної енергетики та атомної промисловості в коротко- та середньостроковій перспективі?

Навряд чи масштабні проекти за участі трьох століть виглядають можливими. І в кращі часи така співпраця в ядерній галузі не спостерігалася. **РФ завжди віддав перевагу двостороннім форматам, де вона апріорі виступає в максимальній ваговій категорії.** Саме приклад України є наочним тому підтвердженням. Росія вже отримала всі можливі преференції від України – контракти на постачання паливних збірок для 4 енергоблоку Рівненської АЕС та 2 енергоблоку Хмельницької АЕС, укладені до 2034 р., два нових енергоблоки Хмельницької АЕС будуть споруджуватися російським підрядником, створення підприємства з виробництва ядерного палива буде здійснювати (якщо буде) також російська сторона. Пропозиції РФ в ядерній сфері спрямовані на збереження статус-кво – монополізму російських компаній та недопущення створення в Україні АЕС та виробництва ядерного палива на неросійській технологічній базі. Якщо пропозиції японсько-американської компанії *Westinghouse* щодо будівництва заводу з фабрикації ядерного палива не були спрямовані на повне витиснення кооперації України з Росією, то російські пропозиції чітко зорієнтовані на ізоляцію України від співробітництва зі США і ЄС у цій сфері.

Напевне, єдиний проект, який може бути актуальним для всіх сторін – це спільний моніторинг стану безпеки атомних реакторів російського виробництва на території РФ, України та ЄС, спільні екологічні та технічні експертизи у випадках, коли йдеться про подовження терміну експлуатації енергоблоків.

- Які перспективи об'єднання нафтогазової та ядерної галузей України та Росії, в т.ч. в контексті розвитку співробітництва Росії, України та ЄС в цих сферах?

Сценарій об'єднання навряд чи доцільні з моменту, коли Україна приєдналася до Договору про заснування Енергетичного Співтовариства, тобто з 24 вересня 2010р. Щоправда, ще необхідна процедура ратифікації в Парламенті. З позиції державних інтересів, об'єднання НАК “Нафтогаз України” та ВАТ “Газпрому” не може відбутися, оскільки воно фактично буде поглинанням НАКу “Газпромом”. Тзв. зустрічна українська пропозиція паритетного об'єднання (50:50) не є прийнятною для російського монополіста, оскільки він має на порядок більшу капіталізацію, аніж “Нафтогаз”. Варіант обміну активами чи створення спільнного підприємства за принципом “Нафтогазу – родовища в Росії, “Газпрому” – українська ГТС” є асиметричним у своїй основі, оскільки сибірські родовища – річ у собі, яка невідомо коли принесе (і чи принесе) прибуток, а українська ГТС – річ конкретна, функціонуюча та з першого дня здатна генерувати дохід “Газпрому”.

Таким чином, найкращим виходом є збереження статус-кво. Співробітництво замість інтеграції. Традиційна кооперація у транспортуванні природного газу до Європи замість поглинання. Реалізація спільних проектів розширення транзитних потужностей, якщо в Європі зросте попит саме на російський газ. Це може

бути реанімація проекту газопроводу Богородчани – Ужгород. І приклад успішності подібних проектів є – це розширення на території України Балканського коридору системи магістральних газопроводів, реалізований спільними зусиллями української, російської та турецької сторін, що були об'єднані в рамках СП “Газ-Транзит” в 1997р. Чому б не повторити позитивний досвід минулого? Але знову ж таки, будівництво не заради будівництва, а у випадку наявності попиту з європейського боку.

Для цього потрібен постійний діалог трьох. Тому сьогодні найбільш логічним проектом стало б створення тристороннього Східного енергетичного діалогу “постачальники – транзитери – споживачі”, один із форматів якого може бути РФ – Україна – ЄС. Цей формат надалі міг би бути розширеній за рахунок країн Центральної Азії та Азербайджану як постачальників, за рахунок Білорусії, Грузії та Туреччини як транзитерів.

Андрей КОНОПЛЯНИК,
консультант правления
“Газпромбанк” (Россия)

– Какими являются перспективы объединения НАК “Нафтогаз Украины” и ОАО “Газпром” после присоединения Украины к Договору об Энергетическом Сообществе?

Перспективы такого объединения представляются мне более ограниченными и затрудненными в случае присоединения Украины к этому Соглашению. Как известно, членство в этом соглашении означает распространение на страну Энергетических Директив ЕС (как минимум – Вторых (2003г.), не могу с уверенностью утверждать, что также и Третьих (2009г.)).

В соответствии с этими требованиями в Украине летом 2010г. принят Закон “О принципах функционирования рынка природного газа”, разработанный с целью привести украинское энергетическое законодательство в соответствие с требованиям Энергетических Директив ЕС. Одним из требований Вторых Директив (отраженных в указанном Законе Украины) является требование о сегментации вертикально интегрированных компаний, что означает разделение НАК “Нафтогаз Украины” на транспортную и добывающую/производящую составляющие. Следовательно: неизбежно понизится капитализация выделенных частей (новых компаний, образованных на месте НАК “Нафтогаз Украины”), по сравнению с неразделенной компанией. Это сузит возможности для адекватного обмена/объединения активами. Потребуется долгое время для проверки юридической чистоты новых компаний, образованных на месте НАК “Нафтогаз Украины” и их правовых обязательств, перешедших на них по правопреемственности.

Если Договор (Соглашение) об Энергетическом Сообществе предполагает распространение на страну,

ставшую его членом, также и Третьих Директив ЕС, то это (через положения о компаниях третьих стран Третьих Директив) может если не заблокировать, то еще более затруднить объединение двух компаний, поскольку будет требовать сегментации ОАО "Газпром" (политически невозможного в обозримой перспективе) в случае предполагаемой уставной деятельности объединенной компании на территории Украины.

– Какова будет роль спотовых контрактов на газ в Европе в период до 2020г., и сможет ли Украина получать значительные объемы российского газа по спотовым ценам?

Кратко: роль спотовых контрактов (если в координатах "срочность-ценообразование", то: разовые поставки плюс биржевое ценообразование) на газ в континентальной Европе будет возрастать, но не станет ни доминирующей контрактной практикой, ни доминирующим механизмом ценообразования (исключение – Великобритания, которая представляет собой, наряду с США, особый, отличный от Евразии, случай доминирующей контрактной практики и механизмов ценообразования в международном газовом бизнесе). **Украина не сможет и не будет получать российский газ по спотовым ценам даже в рамках долгосрочных контрактов.** Думаю, в обоих случаях (в европейской и в российско-украинской торговле газом) этого не произойдет не только до, но и после 2020г. Доминирующими на европейском рынке и в российско-украинской газовой торговле останется долгосрочный газовый экспортный контракт с адаптируемой (в сторону ухода от нефтяной привязки) формулой ценообразования и сокращаемой продолжительностью в качестве общей тенденции. Спотовый рынок в Европе будет продолжать играть подчиненную роль, меньшую, чем сейчас, после выхода Европы из экономического кризиса.

Более подробно

О Европе. Сегодня доминирующей контрактной практикой международной торговли газом в континентальной Европе остаются долгосрочные экспортные газовые контракты (ДСЭГК) т.н. Гронингенского типа. Они начали впервые применяться в Нидерландах в 1962г. в связи с началом освоения месторождения Гронинген. Основными характеристиками этих ДСЭГК являются их высокая продолжительность (в настоящее время, в среднем по Европе, 20-30 лет) и регулярно адаптируемый механизм формального ценообразования, привязывающий цену газа к стоимости замещающих его энергоресурсов.

ДСЭГК, в отличие от спотового контракта, не является исключительно инструментом торговли, но представляет собой инструмент торгово-инвестиционный, ибо является неотъемлемым элементом структуры финансирования инвестиционных газовых проектов по добыче и транспортировке. ДСЭГК составляют основу современного европейского газоснабжения. По оценке П.Возера (Шелл), сейчас (с учетом кризиса перепроизводства, когда возрастаает доля разовых и краткосрочных сделок) на долю ДСЭГК приходится 70% против 30% спотовых сделок. По оценке Секретариата Энергетической Хартии, в середине десятилетия на долю различных типов ДСЭГК (с нефтяной индексацией и не только) приходилось 95% международной торговли газом.

Соотношение долгосрочных и спотовых контрактов носит циклический характер и в периоды кризисов

перепроизводства (таких как нынешний избыток предложения газа в Европе) доля спотовых сделок растет (начинается демпинг поставщиков в борьбе за долю рынка). В итоге спотовые цены падают ниже контрактных. Однако сегодняшний избыток предложения газа в Европе является временным результатом наложения нескольких несистемных факторов: снижение спроса на газ в результате мирового экономического кризиса, роста добычи сланцевого газа в США (снизившего в этой стране спрос на импортный СПГ и перенаправившего в Европу предназначавшиеся для США его потоки в Атлантическом бассейне), продолжения роста поставок в Европу ранее законтрактованных поставок трубопроводного газа и СПГ. На пике кризиса цены спот были в два раза ниже контрактных, что естественно, поскольку ДСЭГК предполагают механизм замедленной адаптации и отложенного сглаживания текущих ценовых колебаний. Ключевые поставщики газа в Европу, такие как Газпром и ЕОН-Рургаз оценивают, что избыток спроса снизится в ближайшие 2-3 года и спотовые цены вернутся к уровню контрактных.

Суверенным правом страны-владельца невозбновляемого природного энергоресурса является экономически обоснованное стремление получить максимальную ресурсную ренту от его освоения, т.е. получить максимальную долгосрочную экспортную цену от его реализации. Последнее означает – за полный срок разработки месторождения, который (в случае крупных и уникальных месторождений, составляющих основу, например, российской газовой отрасли) может измеряться несколькими десятилетиями. Этот экономически обоснованный интерес страны-производителя защищен современным международным правом – Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №1803 от декабря 1962г. и статьей 18 Договора о Энергетической Хартии, вступившего в силу в апреле 1998г., о (неотъемлемом) суверенитете государств над своими природными ресурсами.

Действующий в рамках ДСЭГК Гронингенского типа механизм ценообразования, позволяющий реализовать такое право, предполагает продажу газа по наивысшей цене, которую возможно обеспечить в долгосрочной перспективе в рамках конкурентного рынка, т.е. при наличии у потребителя возможности использования альтернативных газу энергоресурсов и возможности поставок газа из нескольких источников (от нескольких поставщиков). Для этого контрактная цена на газ должна быть несколько ниже (т.е. предлагать потребителю ценовую премию за использование газа), чем долгосрочные предельные издержки производства будь-то альтернативных газу энергоресурсов, будь-то газа других поставщиков (т.е. ниже, чем стоимость замещения газа в рамках данного контракта). В 1960-е годы основными замещающими газ энергоресурсами были мазут (промышленность и электроэнергетика) и газойль/дизтопливо (коммунально-бытовой сектор). Они и стали основными ингредиентами ценовой формулы ДСЭГК Гронингенского типа. Таковыми они остаются по сей день, несмотря на то, что спектр замещающих газ энергоресурсов в различных сферах его потребления существенно расширился.

Цена газа в европейских ДСЭГК и сегодня в основном остается привязанной к цене нефтепродуктов: по материалам исследования Еврокомиссии, в середине десятилетия 75% средней импортной цены газа

ЄС привязаны к мазуту и газойлю/дизтопливу. По основным странам-экспортерам газа в Европу это показатель выше: Норвегия – 87%, Нидерланды и Россия – 92%. Однако удельный вес нефтепродуктов в ценовой корзине газа снижается по мере развития энергетических рынков. В базисном Гронингенском контракте 1962г. на долю этих нефтепродуктов приходится 100% с весами 40:60 соответственно. В середине нынешнего десятилетия в восточноевропейских странах-членах ЕС – 95%, в западноевропейских (без Соединенного Королевства) – 80%, в Соединенном Королевстве – 30%. **Налицо тенденция дрейфа формулы ценообразования ДСЭГК в направлении ухода от преимущественно нефтяной привязки (нефтяной индексации) за счет расширения корзины ценовых ингредиентов**, в частности – путем включения в нее других конкурирующих с газом энергоресурсов (угля, первичной электроэнергии), неэнергетических компонентов (инфляция), а также спотовой компоненты и биржевых индексов (элемента, отражающего конкуренцию “газ-газ”).

Именно этот путь является, на мой взгляд, взаимоприемлемым и экономически обоснованным путем адаптации современных контрактных структур и механизмов ценообразования на газ в Европе к новым реалиям развития энергетических рынков, а не стремление удержать или повысить нефтяную привязку (индексацию) ДСЭГК, с одной стороны, или форсированно перевести газовое ценообразование в Европе на спотовые/биржевые котировки, с другой.

Зона применения ДСЭГК Гронингенского типа последовательно расширяется вдоль основных ориентированных на ЕС газовых артерий с запада на восток, достигнув стран-экспортеров Средней Азии лишь в 2009-2010гг. (когда Россия перешла на закупки среднеазиатского газа по стоимости замещения газа на рынке ЕС, приведенной к внешней границе среднеазиатской страны-экспортера). Таким образом, **на формирование единого механизма экспортного ценообразования на газ вдоль всей ориентированной на ЕС газотранспортной инфраструктуры основных государств-поставщиков**, не входящих в состав ЕС (включая Алжир, Норвегию, Россию, страны Средней Азии), **ушло почти 50 лет**. На пути этого перехода были периоды определенных осложнений, вызванные (в экономической части) большими дополнительными издержками (резко возрастающими рентными платежами) для импортеров газа при переходе от политически детерминированных механизмов ценообразования по типу “издережки-плус” к экономически мотивированному ценообразованию на основе стоимости замещения альтернативных газу энергоресурсов на предъявляющем наиболее высокий платежеспособный спрос на этот газ экспортном рынке ЕС. Понятно, что в одночасье разрушить этот складывающийся в течение полувека на обширном Евразийском пространстве контрактно-ценовой механизм в такой капиталоемкой отрасли, как газовая, попытавшись перевести его на спотовое/фьючерсное ценообразование – как минимум, контрпродуктивно.

На мой взгляд, предлагаемая Третьим Энергетическим пакетом ЕС будущая архитектура единого внутреннего газового рынка ЕС, представляющая собой набор региональных зон торговли с тарифами “вход-выход” и ликвидными виртуальными хабами (центрами спотовой торговли) внутри каждой зоны, не будет работоспособной еще в течение

довольно долгого времени. Сегодняшние газовые хабы континентальной Европы не являются ликвидными и таковыми, видимо, станут еще очень не скоро. Показатель ликвидности “чёрн” (отношение объема торговли на рыночной площадке к объему физических поставок с нее) составляет по хабам континентальной Европы 3-5, а на самом ликвидном европейском рынке – в Соединенном Королевстве – балансирует вокруг отметки 15, который является минимальным критическим уровнем для отнесения той или иной торговой площадки к категории условно ликвидных (для сравнения: “чёрн” для Хенри-Хаб США (газ) равен 400, для нефтяных бирж Нью-Йорка и Лондона, где котируются два основных маркерных сорта нефти в мировой торговле ею, превышает 2000). Активный же рост объемов торговли на газовых хабах континентальной Европы, отмечаемый в последнее время, объясняется, *во-первых*, кризисным избытком предложения, когда дополнительные невостребованные в рамках ДСЭГК и превышающие минимальные обязательства по отбору объемы газа сбрасываются на эти площадки, и, *во-вторых*, статистическим эффектом, когда любой дополнительный объем торговли в рамках незначительных базисных ее объемов показывает высокие приросты. Поэтому цены на европейских газовых хабах характеризуются весьма неустойчивой динамикой, не свободны от искусственного манипулирования, и не готовы служить ценовым ориентиром для долгосрочного устойчивого газоснабжения. Однако как дополнительный элемент они будут все более широко включаться – и уже включаются – в формулы ценообразования основных поставщиков газа (например, Норвегия и Россия ввели в формулу цены спотовую компоненту на уровне 25% и 15% соответственно).

Следует, однако, понимать, что, будучи введенными в формулы ценообразования в качестве дополнительного элемента, спотовые котировки будут действовать в сторону снижения контрактных цен на этапе перепроизводства (избытка предложения) газа, но на этапе избытка спроса, когда спотовые котировки обычно превышают контрактные цены, будут действовать в сторону повышения последних.

Об Украине и России

В рамках созданной во времена СССР и доставшейся в наследство суверенным государствам, возникшим на его территории, газотранспортной инфраструктуры, нацеленной на экспортные поставки газа с востока на запад, Европа была и остается для России и других поставщиков газа из бывшего СССР экспортным рынком, предлагающим наивысшую экспортную цену на газ, существенно большую, чем могут предложить страны бывшего СССР, расположенные по трассе экспортных трубопроводов (Украина, Беларусь и др.). Это предопределяет – в случае формирования цен не на политической, а на экономической основе – экономическую заинтересованность и международно-признанное юридическое право страны-экспортера (России) привязывать экспортную цену поставок газа в страны, расположенные между Россией и ЕС, к стоимости замещения газа на рынке ЕС, поскольку именно этот рынок обеспечивает стране-экспортеру наивысшую – в долгосрочной перспективе (краткосрочные конъюнктурные колебания, типа нынешних, не в счет) – экспортную цену на ее невозобновляемый энергоресурс. До тех пор, пока на европейском

направлений буде существовать долгосрочный избыток спроса на российский газ (не путать с краткосрочным конъюнктурным текущим избытком предложения газа в Европе) – страна-экспортер (собственник энергоресурсов) и ее коммерческие организации не будут заинтересованы в отказе/отходе от этой модели.

Вышеизложенное означает, на мой взгляд, во-первых, отсутствие перспектив у Украины получать российский газ по текущим спотовым ценам ЕС. Во-вторых, предопределяет неизбежную адаптацию заключенного в январе 2009г. российско-украинского ДСЭГК – в направлении ухода от его чисто нефтяной индексации к более широкой корзине ингредиентов – в рамках предусмотренного в этом контракте традиционного механизма адаптации формулы цены. В-третьих, сохранение привязки экспортной цены российского (российского не по месту добычи, а по титулу собственности) газа в Украину к стоимости замещения на рынке ЕС. ■

**Сергій САПЕГІН,
директор НТЦ "Псіхея"**

– Які проекти можуть спільно здійснювати Росія, Україна та ЄС (можливо, в кооперації з іншими країнами, або у двосторонньому форматі) у нафтогазовій сфері в коротко- та середньостроковій перспективі?

Мабуть, ні в кого не викликає сумнівів той факт, що Україна не в змозі самотужки модернізувати власну нафто- і газотранспортну систему відповідно до сучасних норм безпеки. Тим часом, близько 40% вітчизняних трубопроводів уже відпрацювали понад 30, а п'ята частина – понад 40 років. Якщо найближчими роками не вдастся знайти кошти, то чи не найголовніше джерело валютного надходження нашої держави висохне без будь-яких зусиль з боку наших опонентів. Зрозуміло, що “за так” у світі ніхто жоден із проектів не фінансує. Тому Україні вкрай необхідно зацікавити і Москву, і Брюссель привабливими для них пропозиціями. Проте це означає, що двосторонні домовленості автоматично призведуть до економічних або політичних втрат для нашої держави. **Найкращий вихід – нафто- і газотранспортні проекти, в яких поєднано інтереси споживачів, транзитерів та експортерів.**

У зв’язку з цим виникає ще одне питання, актуальне для України. Великим недоліком нинішньої політики ЄС є неможливість прямого фінансування енергетики. Традиційно європейський внесок в енергетичну політику був радше нормативним, аніж фінансовим. Але найближчими роками Євросоюзу не обйтися без інфраструктурних інвестицій, насамперед там, де ринкові механізми не є достатніми.

– Які проекти можуть спільно здійснювати Росія, Україна та ЄС (можливо, в кооперації з іншими країнами, або у двосторонньому форматі) у сфері ядерної енергетики та атомної промисловості в коротко- та середньостроковій перспективі?

Зусилля Єврокомісії, спрямовані на зниження викидів парникових газів, відкривають для України широкі можливості в галузі енергозбереження та раціонального використання енергетичних ресурсів. Кіотські механізми дозволяють фінансувати екологічні та економічно ефективні проекти, що сприяють технічному розвитку та підвищують конкурентоспроможність промислових підприємств.

Україна та ЄС мають спільний головний біль у питаннях фінансування енергетичних проектів – дефіцит коштів. Вихід може бути знайдений в підвищенні ефективності їх використання, одним із шляхів якого може стати гарантування кредитів для заохочення приватних інвестицій і програм, як це робиться в рамках енергетичного фонду Європейського плану відновлення економіки. При цьому, замість традиційних кредитів необхідно ширше використовувати інноваційні фінансові інструменти.

Україні слід було б висунути нові ініціативи у сфері забезпечення колективної енергетичної безпеки Європи, засновані на таких тезах:

- кожен споживач повинен отримати можливість у різний час використовувати різні джерела енергії;
- структура енергоспоживання має визначатися на основі економічної та екологічної доцільності;
- виробництво палива та енергії повинно бути децентралізоване, а енергетичні потоки – роззужлені;
- у кожному регіоні мають бути створені запаси палива та енергії з урахуванням структури енергоспоживання й різного часу сезонних навантажень із збереженням функцій держави з управління ними в осібливий період.

– Які перспективи об’єднання нафтогазової та ядерної галузей України та Росії, в т.ч. в контексті розвитку співробітництва Росії, України та ЄС в цих сферах?

Будь-яке об’єднання нафтогазових чи будь-яких інших галузей різних країн є неможливим. Так, можна спільно планувати, координувати, контролювати їх діяльність, можна навіть спільно керувати об’єднаною енергетичною чи транспортною системою, проте це стосується лише окремих проектів, спільних підприємств, консорціумів, холдингів. **Основна проблема полягає в тому, що газ, нафта, ядерне паливо не є простими чи навіть інфраструктурними товарами.** Вони є інструментами внутрішньої і зовнішньої політики. У Росії це офіційно закріплено в документах, що визначають стратегію її національної безпеки. А раз так, то за будь-якими пропозиціями об’єднання енергетичних галузей криється, насамперед, не економічні, а політичні цілі, які у різних держав не можуть бути однаковими. Зверніть увагу: за майже 20 років існування ЄС держави, що його утворюють, так і не спромоглися виробити спільної енергетичної політики.